

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44
И60

Серия «Триллер по-скандинавски»

Arnaldur Indriðason
STÚLKAN HJÁ BRÚNNI

Published by agreement with Forlagið, www.forlagid.is and
BANKE, GOUMEN & SMIRNOVA Literary Agency, Sweden

Перевод с исландского *Вадима Грушевского*

Оформление обложки *Елены Лазаревой*

Индридасон, Арнальд.

И60 Девочка у моста: [роман] / Арнальд Индридасон; —
[перевод с исландского Грушевского В.]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 448 с. — (Триллер по-
скандинавски).

ISBN 978-5-17-148631-0

Конрауд, полицейский в отставке, невольно оказывается втянутым в старые нераскрытые дела об убийствах, когда с ним связывается пожилая пара по поводу исчезновения внучки Динни.

Тем временем Конрауд расследует дело своего отца, убитого при загадочных обстоятельствах. Он вступает в контакт с дочерью близкого друга отца, Эйглю, которая оказывается медиумом. Ее преследуют видения маленькой девочки Нанны, утонувшей в озере Тьёднин несколько десятилетий назад.

Конрауд заинтересовывается судьбами девочек, и именно во время поисков Динни он понимает, что между их смертями есть странная связь. Копаясь в прошлом, он раскрывает все большие секреты, которые и не ожидал обнаружить...

Но готов ли он столкнуться с шокирующей тайной, которая много лет не давала ему самому покоя?

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(Исл)-44

© Arnaldur Indriðason, 2018
© Грушевский В., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-148631-0

*Это произведение — художественный вымысел
автора. Имена, персонажи и события целиком
и полностью являются плодом его воображения.*

Веришь ли ты в ангелов,
что скитаются в каменных джунглях,
кружась по улицам и площадям?..
*Бюбби Мортенс**

* Бюбби Мортенс — исландский автор-исполнитель
(здесь и далее примечания переводчика).

Молодой человек шел на запад по улице Скотхусвегюр. На мосту через озеро Тьёднин он остановился и, заметив в воде куклу, облокотился на перила.

Мост выгнулся изящной аркой там, где, сужаясь, озеро вытягивалось к парку Хлёумскаулагардюр, что раскинулся на его южном берегу. Молодой человек стоял на самой высокой точке моста. Уже спустился вечер, так что прохожих почти не было. Одна-единственная машина, пересекая мост, несколько замедлила ход, а потом издала разорвавший тишину рык и скрылась в темноте. Еще ему показалось, что кто-то движется вдоль улицы Соулейяргата, а потом мимо него, не поднимая головы, проскользнула фигура в плаще и шляпе. Опершись локтями на парапет, мужчина посмотрел в сторону ресторана «Идноу» и центра Рейкьявика, а затем перевел взгляд дальше — туда, где в сумерках вздымалась к небу гора Эсья*, величественная и неколебимая. Над ней, словно в сказке о тридевятом царстве, сияла луна. Когда он опустил

* Эсья — гора, расположенная примерно в 10 км к северу от Рейкьявика. Высота над уровнем моря — 909 м.

глаза, его взору вновь предстала покачивающаяся на поверхности воды кукла.

Был в этой сцене некий лиризм, пробудивший в поэте, каковым молодой человек и являлся, самые разнообразные мысли. Он достал из кармана куртки блокнот и авторучку, которые всегда были при нем в его одиноких прогулках, и стал записывать фразы о потерянной невинности, мимолетности детства и о воде, которая порождает жизнь, но обладала и разрушительной силой. На обложке блокнота в кожаном переплете красовалось позолоченное теснение — цифры 1961, а его страницы содержали размышления молодого человека, который медленно, но неотступно продвигался вперед по своей литературной стезе. В его активе уже были стихотворные произведения, которые он, однако, пока не решался представить на суд издателей. Больше всего он боялся, что его творчество подвергнут жесткой критике, или даже отвергнут, а поэтому старался довести до совершенства каждое четверостишие, как, например, сейчас, когда у него рождались новые строчки о скоротечности бытия.

Он подумал, что это наверняка какая-нибудь девочка, переходя через Тъёднин по мосту, уронила куклу в воду и не смогла ее оттуда достать. Это сообщение молодой человек тоже занес в свой блокнот, пытаясь облечь в слова вечернее безмолвие и огни города, что отражались в водной глади. Он перевел взгляд на островок посередине озера, который по весне захватывали крачки. Теперь птицы молчали, как и ночь, что накрыла город своей вуалью, — именно это

предложение он и записал в свой блокнот. Затем он перечеркнул слово «ночь», заменив его на «сумрак». А потом вычеркнул и его и нарисовал какие-то каракули над словом «вуаль». Снова написав «ночь», он попробовал вместо фразы «накрыла город своей вуалью» вставить «разбила над городом свой шатер», но констатировал, что и так тоже не пойдет.

Засунув ручку и блокнот обратно в карман куртки, мужчина собрался было продолжить свой путь, но тут ему в голову пришла мысль достать куклу из воды и положить ее у парапета, на случай если девочка вернется сюда в поисках любимой игрушки. Спустившись к берегу, он сделал попытку дотянуться до куклы, но у него ничего не вышло, поскольку она оказалась слишком уж далеко. Тогда молодой человек снова прошелся вверх по улице, оглядываясь по сторонам и пытаясь обнаружить какое-нибудь приспособление — палку или прут — чтобы подцепить им куклу, но ничего подходящего для этой цели не увидел.

Оставив свое намерение, он направился вдоль Скотхусвегюр в сторону кладбища Хоулаветлир. Именно в окружении крестов и эпитафий он нередко находил вдохновение для творчества. Пройдя несколько шагов, мужчина заметил у себя под ногами как раз то, что ему требовалось, — корягу, подняв которую, он вернулся к мосту и опять спустился на берег. Ему удалось зацепить куклу корягой, но притянуть ее к кромке воды никак не получалось. Молодой человек снова и снова пробовал поддеть игрушку изогнутым концом импровизированного гарпуна, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Когда он в очередной

раз собирался отказаться от своей идеи, кукла наконец тронулась с места, однако вопреки ожиданиям лишь отплыла еще дальше под мост. Поглядев на нее с пару мгновений, молодой человек стремительно взбежал на дорогу, пересек ее и опять спустился к озеру на противоположном берегу. Кукла как раз проплывала мимо, и он не замедлил выхватить ее из воды.

На выдавшей виды игрушке было потрепанное платьице, глаза ее могли закрываться и открываться, а губы были разомкнуты. Он нажал ей на живот, и кукла издала негромкий звук, имитирующий плач. Шевелюра у нее была спутанная, а кое-где наблюдались проплешины на месте бывших там некогда прядей волос. Молодой человек снова нажал ей на живот, и из кукольных глаз покатились струйки воды, словно игрушка вдруг дала волю слезам.

Он стоял неподвижно, направив взгляд на южную кромку озера, и только тут заметил, что у самой поверхности воды плавает еще какой-то предмет. В первый момент он подумал, что это обман зрения, но присмотревшись получше, тотчас отбросил куклу и прыгнул в озеро. Вода доходила ему до подмышек и, преодолевая ее сопротивление и не чувствуя холода, он устремился по дну водоема к предмету, который привлек его внимание. Всего через несколько секунд он оказался с ним рядом, и, вцепившись в него руками, рывком поднял из воды. Его подозрения оправдались.

В состоянии глубокого шока молодой человек выбрался на сушу и лишь тогда окончательно осознал, что обнаружил в Тъёднине тело девочки, которая упала в озеро и утонула.

2

Сама не зная почему, Эйглоу чувствовала себя на дне рождения не в своей тарелке. В двухэтажном особняке собралась целая куча детей и взрослых — среди них все без исключения одноклассницы, которым было по двенадцать лет, и даже три одноклассника, хотя мальчиков на девчачьи дни рождения обычно не приглашали. Энергичные кузины именинницы выступали в роли массовиков-затейников, руководя детьми, играющими во все мыслимые игры: от лото до прятков и догонялок в огромном саду. От изобилия угощений разбегались глаза: газировка, попкорн, пирожные и конфеты — ешь сколько влезет! А еще у родителей виновницы торжества имелся проектор и пленки с американскими мультиками, так что и в зрелищах недостатка не было.

Казалось бы, всего этого должно хватить, чтобы и Эйглоу веселилась вместе со всеми, но что-то ее сдерживало — возможно, сама атмосфера. Раньше бывать в таких богатых домах ей не приходилось, и она с трудом могла оторвать взгляд от всей этой

роскоши. На стенах были развешаны огромных размеров картины, а в углу гостиной сиял своими изгибами черный рояль. Вся обстановка выглядела новой — казалось даже, что белые кресла и диван только-только привезли из магазина и на них еще никто не успел посидеть. Ворс расстеленного на полу белоснежного ковра был таким густым и пушистым, что ноги Эйглоу буквально в нем утопали. В доме также имелся телевизор с выпуклым экраном и кнопками, о назначении которых можно было только догадываться. Никогда раньше такого аппарата Эйглоу не видела и из любопытства провела рукой по выпуклому стеклу, когда в дверях появился хозяин дома и с улыбкой попросил ее этого не делать, чтобы не заляпать пальцами экран. Девочка находилась в гостиной одна — там никаких игр не устраивали.

Она подумала о своей маленькой и темной квартире в цокольном этаже, где в кухне из крана вечно капала вода, а окошко находилось так высоко, что если хотелось поглядеть из него на улицу, приходилось забираться на стул. Там и в помине не было никакого ворсистого ковра, а лишь потертый половик. Мама Эйглоу с утра до ночи работала на рыбокомбинате, и на столе у них кроме рыбы редко что появлялось. Чем занимается папа, она так до конца и не понимала — знала только, что он зачастую выпивает, а мама его за это стыдит. Эйглоу было жаль, что так происходит, потому что папа у нее был добрый и, несмотря ни на что, они с мамой любили друг друга. Дочку он никогда не обижал, помогал ей с уроками

и читал сказки — правда, потом мог сутками не появляться дома, а мама не находила себе места, потому что понятия не имела, куда он запропастился.

Именинница, которой в тот день исполнилось двенадцать лет, ее закадычной подружкой не была, так что Эйглоу оказалась на этом празднике только потому, что пригласили всех девочек из класса. Честно говоря, она попала в этот класс каким-то чудом, поскольку в нем учились только дети из обеспеченных семей, а таких малоимущих, как Эйглоу, обычно распределяли в классы уровнем пониже. Однако учительница довольно скоро обратила внимание на способную девочку и позаботилась о том, чтобы ее перевели в самый лучший класс, где больше времени уделялось именно обучению, а не наведению дисциплины. Ребята приняли Эйглоу хорошо, за исключением двух мальчишек, которые, соорудив кислые физиономии, поинтересовались, чем это так провоняла ее одежда. Она ответила, что, видимо, плесенью, которая есть у нее дома.

Похоже, и правда в этом великолепии она чувствовала себя не совсем комфортно. Пока остальные были увлечены играми, Эйглоу в одиночестве исследовала особняк, переходя из комнаты в комнату, из кухни в ванную, и восхищаясь всем, что видит. Вообще-то, мама посоветовала ей как следует повеселиться и не отлынивать от игр со своими одноклассниками. Эйглоу знала, что мама беспокоится из-за того, что она слишком уж нелюдимая и больше любит проводить время в одиночестве. По мамину

мнению, Эйглоу унаследовала эту черту от папы. Но, по правде говоря, друзей у девочки было вполне достаточно. Будучи смышленнее, чем многие сверстники, Эйглоу нашла правильный подход к своим новоиспеченным одноклассникам, и те, видя, как с ней интересно, стремились к общению гораздо больше, чем она сама.

Обойдя весь дом, Эйглоу вернулась в шикарную гостиную с пушистым ковром и белоснежной мебелью, где обнаружила девочку, которую до этого не замечала среди других приглашенных. На вид она была ровесницей Эйглоу, а ее одежда выглядела даже скромнее, чем у Эйглоу, не говоря уже о других ребятах.

— Привет, — поздоровалась Эйглоу, краем глаза заметив свое отражение в выпуклом экране телевизора.

Девочка казалась расстроенной — будто у нее случилась какая-то неприятность. На ней было поношенное платье, гольфы и летние туфельки с пряжками.

— Все в порядке? — спросила Эйглоу.

Девочка молчала.

— Как тебя зовут? — задала новый вопрос Эйглоу.

— Я ее потеряла, — едва слышно пробормотала девочка и двинулась навстречу Эйглоу. Проскользнув мимо нее, она выпорхнула из гостиной. Проводя девочку взглядом, Эйглоу опустила глаза на ковер и в этот момент осознала одну вещь, которую ей было

Девочка у моста

уже не забыть еще и потому, что вся окружающая обстановка была настолько новой и безукоризненной: когда девочка проходила мимо телевизора, в его экране не отразилось ее лицо, а на ворсистом ковре она не оставила ни одного следа, будто была абсолютно невесомой.

Выражение беспокойства на лицах супругов, которые излагали проблему, говорило красноречивее всех слов. Мобильный телефон мужчины звонил дважды, но ни в первый, ни во второй раз он не стал отвечать, а лишь посмотрел на высветившийся номер, не прерывая своего рассказа. Конрауд понимал их тревогу, но был совсем не уверен, что сможет им как-то помочь. С этой парой он был едва знаком, и все их предыдущее общение практически равнялось нулю. Его жена Эртна когда-то пригласовала с женщиной, но сам Конрауд в их отношения вовлечен не был. И тут ему совершенно неожиданно звонит ее муж и интересуется, не может ли Конрауд с ними встретиться. Выяснилось, что их внучка уже не раз доставляла супругам проблемы, и они подумали, что Конрауд, вероятно, посоветует, как им с ней поступить. Они знали, что, хотя Конрауд уже на пенсии, раньше он работал следователем, и были убеждены, что у него богатый опыт расследования дел, подобных тому, в котором оказалась замешанной их внучка, и о которых сами они не знали ровным счетом ничего. Конрауд

испытывал большие сомнения по поводу того, стоит ли ему с ними встречаться, но в конце концов поддался на уговоры мужчины. Он помнил, с какой теплотой Эртна отзывалась о своей подруге, а также ее рассказ о том, что супругам пришлось самим воспитывать внучку после того, как, будучи совсем молодой, в автоаварии погибла их дочь.

Они сразу заявили, что будут с ним предельно откровенны: причина, по которой они предпочли не обращаться в полицию, а связались напрямую с Конраудом, заключалась в боязни того, что о деле пронюхает пресса. В свое время женщина занимала важную политическую должность, и, хотя она уже давно оставила ее, супруги опасались, что если их проблема станет достоянием общественности, нечистоплотные СМИ не преминут представить ее в самом невыгодном для них свете. Не являлось секретом, что утечки информации со стороны полиции были нередки. Однако супруги попросили Конрауда понять их правильно: если он только посчитает, что им все-таки стоит обратиться в полицию, они это непременно сделают.

— Дело в том, — говорил мужчина, — что от внучки уже несколько дней ни слуху ни духу. То ли у нее телефон разрядился, то ли она вообще его где-то потеряла — не отвечает и все. Конечно, уже бывало, что мы не могли до нее дозвониться, но чтобы так долго — это впервые. Ну если не считать, что...

— Мы тут недавно узнали, что она стала... наркокурьером. Так это, кажется, называется, — вступила в разговор женщина, бросив взгляд на своего мужа. — На таможне — ну или где-то еще — ее не задерживали.

По ее словам, она совершила только одну поездку для неких людей, чьи имена нам называть не захотела. Хотя, возможно, она и лжет. Мы больше не доверяем ни одному ее слову. Ни единому. Хотя... это уже что-то новенькое... то, что она превратилась в наркокурьера, я имею в виду.

На лице женщины одновременно читались раздраженность и тревога за судьбу девушки. Возможно, в том, что жизнь последней шла наперекосяк, она винила саму себя. Вполне вероятно, политические баталии отнимали у нее столько времени, что ей было просто не до воспитания внучки, которая так и не заняла в ее сердце место безвременно ушедшей дочери.

— Вы полагаете, она выехала за границу? — спросил Конрауд.

— Вероятно, у нее был с собой паспорт, — кивнула женщина. — По крайней мере, в ее комнате мы его не нашли. Это как раз одна из тех вещей, которые, как нам хотелось бы, надо проверить, — если, конечно, у вас есть такая возможность. На наши запросы авиакомпании не отвечают.

— Думаю, вам лучше обратиться в полицию, — сказал Конрауд. — Я...

— Мы уже не знаем, куда обращаться. Внучка сама не понимает, что творит, — а теперь, видите, еще и контрабандой наркотиков занялась. А если арестуют, не дай бог? Это же прямая дорога в тюрьму, — вздохнула женщина. — О ее зависимости нам известно. Сначала был алкоголь, а сейчас и того хуже. Упустили мы девочку — она стала неуправляемой. Совершенно не управляемой.